

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 18-го Декабря 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10505.

РЫЦАРИ.

Господа, что же это вы притихли?.. Давайте петь, веселиться, хотать, дурачиться! крикнула Софья Андреевна. И, вскочивши с качалки, бросилась к панино и громко за барабанила мазурку *generale*.

Капианъ Искринский, потянувшись въ обѣ стороны широкую, начинавшую уже сѣдѣть бороду, звякнулъ шпорами и понесся по гостиной, притоптывая каблуками и прищелкивая пальцами. И напѣвалъ:

— Ой ля-ля... Ой ля-ля...

Мы захлопали въ ладоши:

— Браво, капитанъ, браво, капитанъ!..

Мы всѣ каждую субботу собирались у Софьи Андреевны—молоденькой эффектной вдовушки, около года тому назадъ потерявшей мужа. Мы—капитанъ Искринский, инженеръ Хлѣбниковъ—толстенький, бритый господинъ, инспекторъ гимназіи Столбонравко—добродушный хохоль съ длинными, висящими внизъ усами, и я,—то есть всѣ убѣжденные холостяки и всѣ безнадежно взыхавшие по Софѣ Андреевнѣ. Она никому изъ насть не оказывала какого-либо предпочтенія, держала себя со всѣми четырьмя ровно, и это насть очень бѣсило. Кокетничала она съ нами сколько угодно, любила слушать наши комплименты и, зная, что мы обожаемъ ее, блаженно купалась въ нашемъ

Н. Н. Златовратскій,

скончавшійся 11-го декабря 1911 года.

обожанію, какъ кошечка въ солнечныхъ лучахъ. Особенное какое-то удовольствіе она постоянно находила въ томъ, чтобы подразнить насть. Ну, напримѣръ, въ такомъ родѣ что-ли:

— Рыцари мои милые, рыцари дорогие, предположимъ, я увидела на недоступной скалѣ, висящей надъ пропастью, ослѣпительной красоты чудный, сказочный цвѣтокъ. И сказала вамъ: тому отдаю свое сердце, кто достанетъ мнѣ этотъ цвѣтокъ. Сдвинулся ли бы кто-нибудь изъ васъ съ места?..

— Я, я, я, я! кричали всѣ мы, вскакивая съ креселъ и подѣживъ къ ней.

Софья Андреевна, кокетливо прищуривши глазки, минуту глядѣла на насть поочередно, а потомъ заливалась хохотомъ.

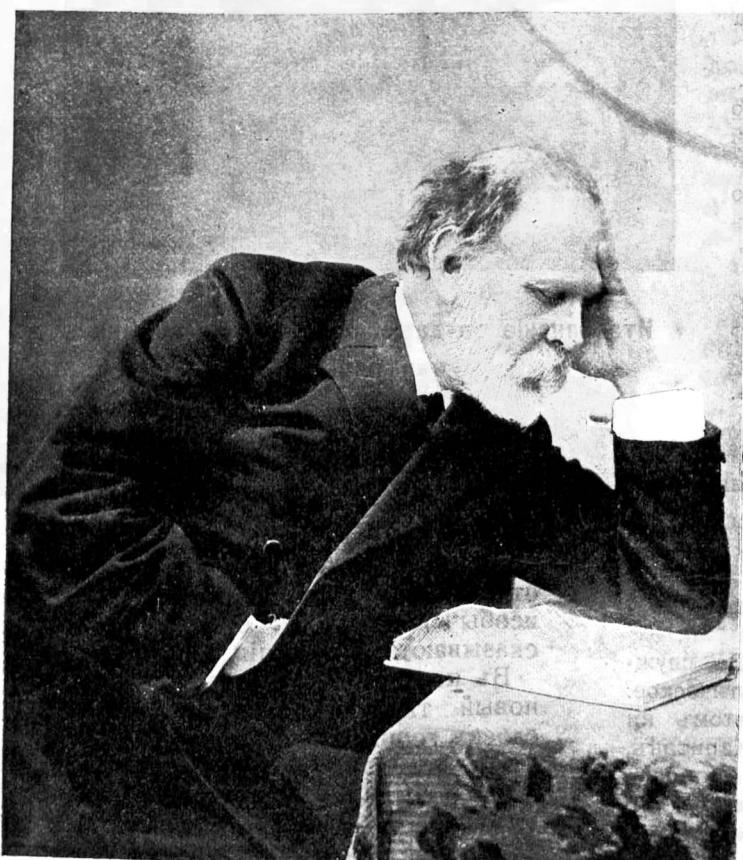
— Благодарю васъ, но только я никого бы изъ васъ не выбрала.

Мы ерепенились.

— Почему это?..

— Вы, значитъ, ставите насть въ ничто?

— Вы всегда только смеетесь!..

Докторъ медицины

Петръ Ивановичъ Кравцовъ.

По случаю тридцатилѣтія его врачебной дѣятельности.

Хотите знать, почему, продолжала она. Вы, капитанъ, слишкомъ ужъ стремительны и потому сейчасъ же бы свалились въ пропасть. Вы, инспекторъ, довольно неповоротливы, вы; инженеръ, близоруки. А вы, обращалась сна ко мнѣ, вы медикъ, завѣтный реалистъ, попросту цвѣтка и не увидали бы, потому что цвѣтокъ мой миражъ... Вы стоите выше какихъ-нибудь взбалмошныхъ фантазій, всякихъ, по вашему опредѣленію, бредней. Вы слишкомъ раціоналистъ...

Капитанъ стремительно несся по залу, гремя шпорами и притоптывая каблуками. Софья Андреевна красивыми, длинными, узанными кольцами пальцами бѣгала по клавишамъ. И вдругъ, заигравши сразу что-то тихое, торжественно-минорное, начала импровизировать:

— Роскошный залъ, залитый огнями сверху донизу, блистающій ослѣпительными туалетами женщинъ Гремитъ музыка. И впереди всѣхъ въ бѣшеной мазуркѣ несутся: прекрасная принцесса, съ діадемой, сверкающей брилліантами, на головѣ и принцъ—въ изящномъ камзолѣ, съ бѣлымъ кружевомъ на груди и вокругъ рукъ. И говорить принцъ:

— О, если бы вы были мою!.. Какъ бы я молился вамъ, какъ бы боготворилъ васъ, недосягаемая. Вы для меня все—богиня, жизнь, солнце, небо.

— Правда, правда?.. спрашивается принцесса, блеснувъ ему зелеными, глубокими, какъ бездна глазами.—Вы любите меня очень?...

— Люблю, такъ люблю. Да на чело-

А. Е. Блюменталь-Тамаринъ.

опереточный артистъ,

скончавшійся 1-го декабря 1911 года.

въческомъ языкѣ нѣтъ подходящихъ словъ, чтобы выразить вамъ свои чувства. Я готовъ ради васъ на все, я готовъ умереть для васъ...

— Ну, вотъ что, принцъ, перебиваетъ принцесса. Я обронила свой носовой платокъ, а потому будьте внимательны — замѣтите, гдѣ онъ, и поднимите. У меня сильный насморкъ.

Софья Андреевна обрвала музыку на полузвукѣ и оглядѣла насъ.

— Какой прозаический конецъ! — сказалъ капитанъ. Такъ красиво было по началу и вдругъ — носовой платокъ! Прямо диссонансъ.

— Не виновата же я, что такова жизнь... А потомъ — такой конецъ я придумала, чтобы сдѣлать удовольствіе нашему глубокоуважаемому представителю медицины и въ надеждѣ услышать отъ него себѣ хвалу.

— Софья Андреевна, вы меня ужъ очень обижаете! — воскликнулъ я. Напрасно вы думаете, что я ни на что поэтическое неспособенъ. Напрасно...

— Развѣ?.. Ну, господа, довольно баловаться. Я имѣю вамъ сообщить нѣчто

Мусса-Махметъ,

предводитель турецкихъ войскъ въ Триполи.

серъезное. Въ высшей степени серьезное. Молчаніе!

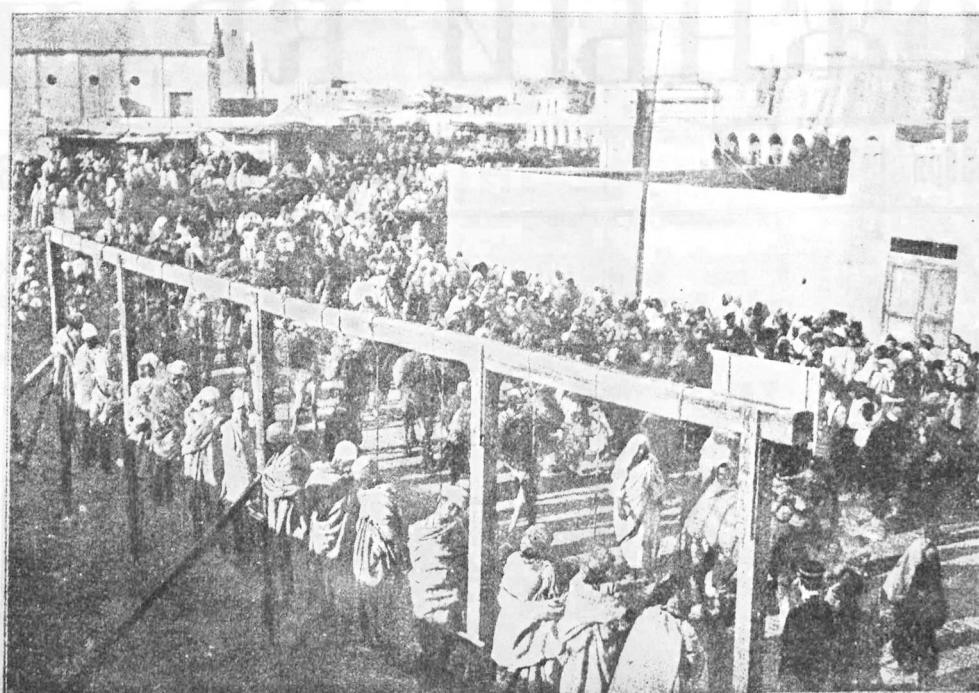
Мы удивленно переглянулись. Софья Андреевна усѣлась противъ насъ. Воцарилась сразу тишина.

— Господа, вы столько мнѣ говорили постоянно о своей преданности, каждый изъ васъ столько даваль мнѣ клятвъ исполнять самыя малѣйшія мои прихоти, сколько разъ въ шутку обѣщали ради меня пожертвовать даже своею жизнью...

— Не въ шутку, а самыя серьезнѣйшій образомъ, — перебилъ капитанъ. — Не знаю, какъ другіе, а по крайней мѣрѣ я — истину говорю.

И онъ театрально ударилъ себѣ нѣсколько разъ въ грудь.

— Благодарю васъ, но дайте мнѣ сказать все... Теперь насталъ вашъ чередь доказать мнѣ всю силу вашей предан-

Казнь чрезъ повѣшеніе, произведенная итальянцами надъ 14 арабами въ Триполи.

ности, вашего обожанія. Завтра съ восьмичасовымъ вечернимъ поѣздомъ я уѣзжаю на полгода въ Италію. Надѣюсь, вы всѣ не откажетесь меня сопровождать въ моей поѣздкѣ?

— То есть, какъ это такъ? началь кто-то изъ насъ.

Она глядѣла на насъ иронически.

— Я прошу только отвѣтить на мой вопросъ.

Мы переглянулись. Потомъ сразу заговорили:

— Такъ внезапно...

— Софья Андреевна, вы насъ прямо огорчили.

— Завтра, и вдругъ, въ Италію.

— Да вы, навѣрно, шутите...

— Ха-ха-ха... Софья Андреевна пошутила...

— Браво, Софья Андреевна!..

— Я совершенно серьезно спрашиваю васъ въ послѣдній разъ: желаете ли вы сопровождать меня въ Италію, я уѣзжаю завтра и нарочно до сихъ поръ скрывала отъ васъ это. Ну, какъ?..

Мы молчали.

— Значитъ, никто не желаетъ?

— Постойте, погодите, воскликнулъ капитанъ. Мы всѣ, конечно, очень желаемъ. Но, какъ же такъ? У насъ служба, у насъ дѣла.

— Мы не такія вольные птицы, какъ вы, пробасилъ инспекторъ.

— У меня срочный проектъ, сказалъ инженеръ.

— Служба — главное препятствіе, началь я.

— Вѣрно, подтвердила она. Да, служба, медикъ, способный на поэтическое. Ну, довольно... Больше обѣ этомъ ни слова... Впрочемъ еще одно. Капитанъ, не имѣютъ ли немногого общаго эпилогъ съ носовымъ платкомъ и только что сейчасъ происшедшая здѣсь интермедія?

— Эхъ, ну и ловко же вы подѣли насъ, буркнулъ инспекторъ, почесавши за ухомъ.

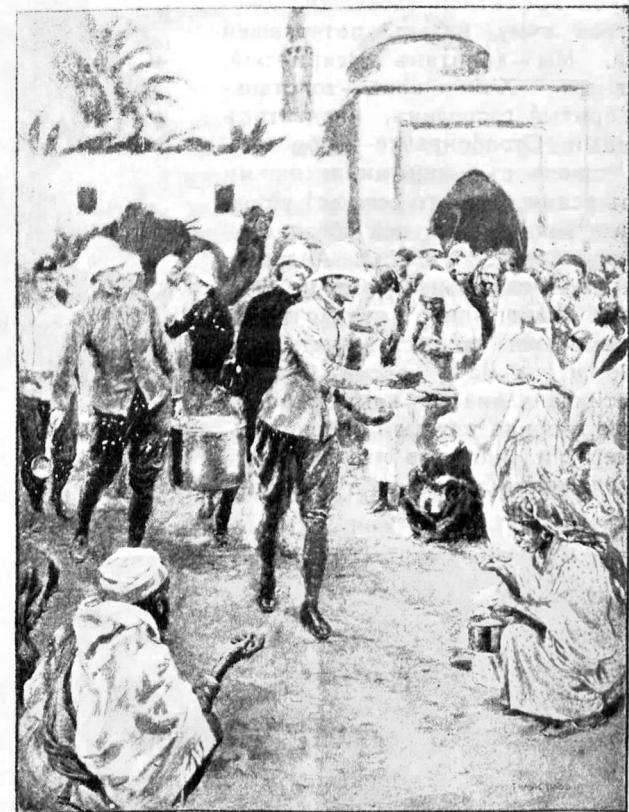
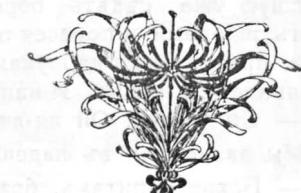
Софья Андреевна размѣялась:

— Два мѣсяца уже созрѣлъ этотъ

мой адскій замыселъ. Два мѣсяца я испытывала васъ.

Ровно въ восемь часовъ вечера на слѣдующій день Софья Андреевна уѣзжала въ Италію. Мы возвращались съ вокзала хмурые, и на душѣ у меня было такъ, какъ у гимназиста первого класса, ворочающагося домой съ единицей по латыни..

В. Унковскій.

Итальянскіе солдаты раздаютъ милостыню въ Триполи.

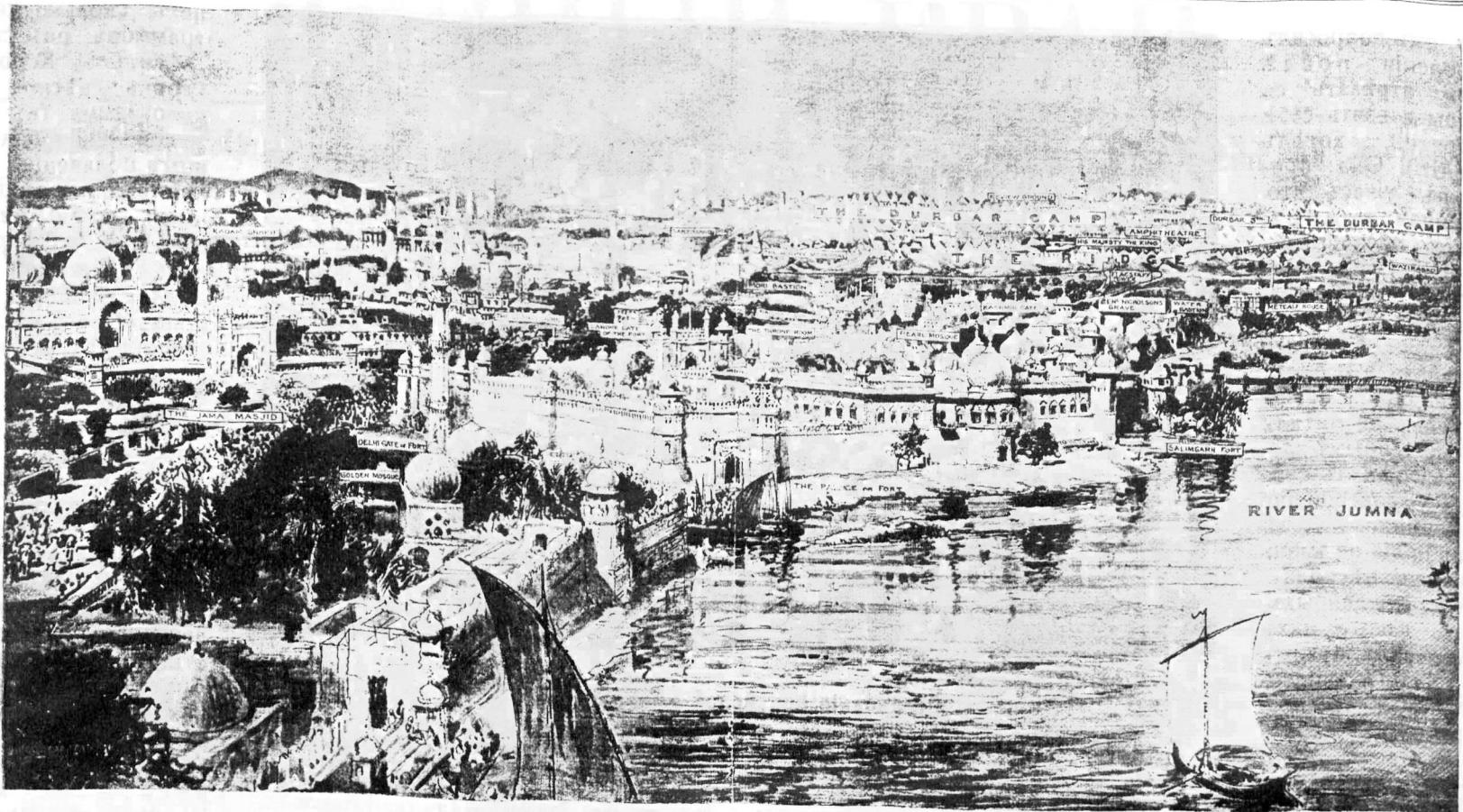
Заплечный мастеръ.

Со словомъ „палачъ“ неразрывно связано представление о дюжемъ, бородатомъ дѣтинѣ изъ арестантовъ, отчаянномъ душегубѣ, обладающемъ необычайной силой, о которой рассказываютъ настоящія легенды.

Въ послѣднія 5—6 лѣтъ появился новый типъ палачей изъ низшихъ слоевъ городского населенія.

Къ этому типу палачей принадлежалъ и бывшій петербургскій палачъ, лужскій мѣщанинъ Андреевъ, до 1906 года работавшій на казенномъ Охтенскомъ пороховомъ заводѣ.

По словамъ „Б. В.“, Андреевъ смѣнилъ первого петербургскаго палача — арестанта, совершившаго 23 казни. Можетъ быть, палачъ — арестантъ и далѣе

Городъ Дели,

новая резиденция вице-короля Индии, съ птичьяго полета.

Знаменитый баритонъ

М. Баттистини

въ формѣ полковника.

Къ предстоящему концерту 20 декабря.

продолжалъ бы свою „работу“, если бы не произошелъ слѣдующій инцидентъ. Какъ-то на мѣстѣ казни онъ потребовалъ снять съ осужденного ножные кандалы. Ему приказали безъ разсужденій исполнить свое дѣло.

Онъ заупрямился.

— Вѣшайте сами! сказалъ властямъ. Заложилъ руки за спину и сталъ хо-

дить взадъ и впередъ. Къ нему подошелъ приставъ уѣздной полиціи.

— Какъ ты смѣешь, подлецъ, не слушаться приказаний!

Палачъ остановился, осмотрѣлъ пристава съ головы до ногъ. Постоявъ передъ нимъ, глядя ему дерзко въ глаза, отошелъ въ сторону, досталъ изъ кармана штановъ полбутылки водки, ударилъ ладонью въ дно бутылки, вышибъ пробку, единимъ духомъ выпилъ изъ горлышка всю водку, крякнуль, вытеръ рукою ротъ и попрежнему началъходить.

Ему уступили.

— То то, давно бы такъ... проворчаль онъ и, подойдя къ осужденному, сказалъ ему:

— Дай-ка, съ ножекъ желѣзки сниму.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ совершилъ казнь.

Вскрѣ послѣ описаннаго инцидента явился Андреевъ съ предложениемъ своихъ услугъ въ качествѣ палача. Его соблазнила сторублевая плата за каждую казнь.

Его охотно приняли.

Какъ ни старался Андреевъ скрыть отъ рабочихъ свое „приватное“ занятіе, они все-таки узнали его тайну и пригрозили.

Андреевъ почувствовалъ опасность и оставилъ заводъ, а вскорѣ скрылся изъ селенія Ржевки (селеніе это Пороховыхъ заводовъ), гдѣ до того времени постоянно жилъ. Послѣ это-

го палачество стало его настоящей профессіей.

При взглядѣ на Андреева никто не повѣрилъ бы, что онъ палачъ: такъ его наружность противорѣчила сложившемуся понятію о палачѣ. Ростомъ онъ былъ ниже средняго, худой, узкоплечий, узкогрудый, блондинъ, лѣтъ 25—27, съ коротко остриженной головой, съ маленькими свѣт-

Англійскій министръ
Ллойдъ-Джорджъ,
пострадавшій изъ-за
феминистокъ.

лыми усиками и такимъ же пушкомъ на подбородкѣ. Его свѣтлосѣрые глаза смотрѣли спокойно, въ нихъ не было выраженія жестокости. Они какъ бы опровергали извѣстное изреченіе: „Глаза—зеркало души“. Лицо у него было болѣзненно желтое.

Ходиль онъ всегда въ темно-желтомъ, сильно обтрепаномъ пиджачномъ костюмѣ.

Съ 1906 по 1909 годъ онъ казнилъ 76 человѣкъ: 68 въ Петербургѣ и 8—въ Ревель, куда его возили на „гастроли“.

Въ числѣ казненныхъ имъ были и женщины.

Однажды у одной изъ нихъ, красивой блондинки, съ пышными воло-

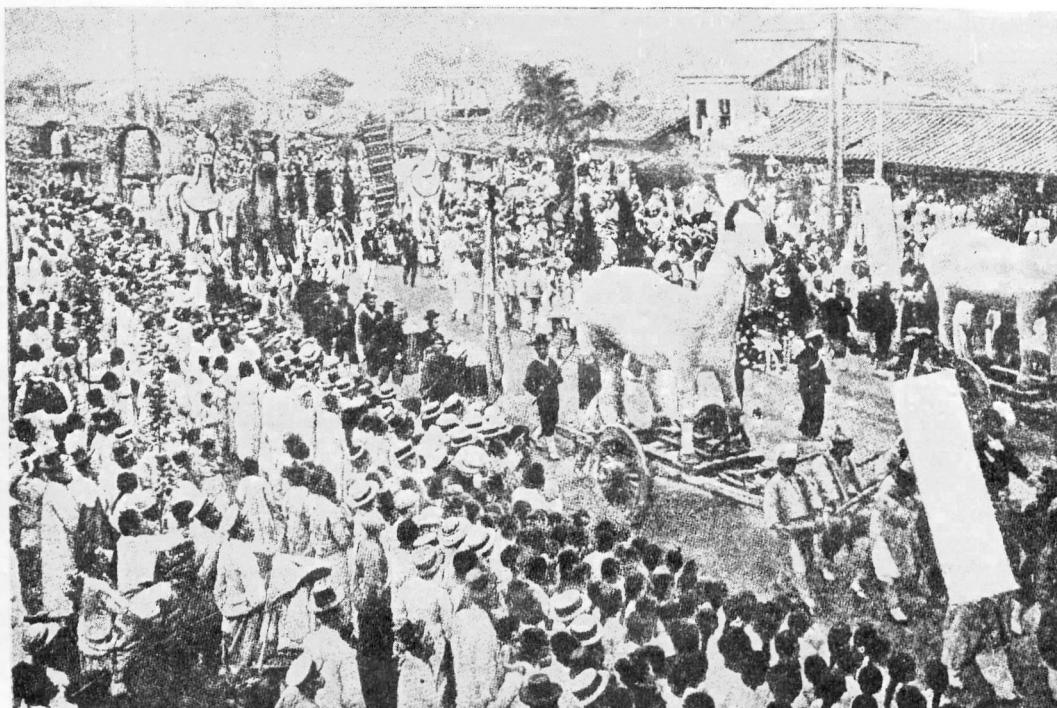
сами, онъ попросилъ позволенія послѣ казни отрѣзать ея волосы и взять себѣ (вѣроятно, хотѣлъ продать). Она пришла въ ужасъ, что, лишенная волосъ, будетъ обезображенна, хотя бы и мертвая. Въ ней сказались женщины. Она упросила Андреева не дѣлать этого.

Совершая казнь, Андреевъ не питалъ къ осужденнымъ злобы, онъ дѣлалъ свое дѣло совершенно равнодушно.

Однажды на казнь привели нѣсколькихъ осужденныхъ. Одинъ изъ нихъ сильно паль духомъ и попросилъ священника. Это тронуло Андреева.

Онъ зналъ, что всѣ смотрѣть на него съ презрѣніемъ. Иногда ему приходилось столкнуться на улицѣ съ кѣмъ-нибудь изъ тѣхъ, въ чьемъ распоряженіи онъ находился. При видѣ палача тотъ съ отвращеніемъ отворачивался отъ него и спѣшилъ поскорѣе укрыться куда-нибудь.

Всѣми отверженный, всѣми ненавидимый, всѣми презираемый, онъ Ѳѣль свой проклятый хлѣбъ.

Погребеніе корейской императрицы.

Западная цивилизация все глубже проникаетъ на Дальний Востокъ, и древніе обычай монгольской расы постепенно забываются. Нѣсколько времени тому назадъ въ Сеулѣ, столице побѣженной Японіей Кореи, происходила похоронная церемонія, которой врядъ-ли когда суждено повториться. Хоронили Омъ, любимую супругу бывшаго корейскаго императора, и Корея, вѣроятно, въ послѣдній разъ видѣла такую пышную процессію. Съ разсвѣтомъ дня дворецъ, где

жила прелестная Омъ, былъ окружено огромной толпой народа. При первыхъ лучахъ солнца ворота раскрылись, и показалась процессія. По древнему обычай, впереди двигали шесть бумажныхъ лошадей. Эти кони нужны императрицѣ, чтобы ёздить верхомъ на томъ свѣтѣ. Далѣе 120 человѣкъ несли гробъ. На вершинѣ его стоялъ со звонкомъ въ рукахъ руководитель процессіи. За гробомъ въ открытомъ экипажѣ щахъ наслѣдный принцъ.

когда петля сдавила ему горло.

— Въ ушахъ зазвенѣло, страхъ какъ застучало въ вискахъ, а въ головѣ совсѣмъ стало смутно, какъ бы безъ памяти сдѣлался.

Все рѣже и рѣже являлась надобность въ услугахъ палача, и, наконецъ, онъ совсѣмъ сталъ не нуженъ. Такимъ образомъ, Андреевъ остался безъ работы. Онъ пытался пристроиться хоть гдѣ-нибудь и „готовъ“ быль примириться съ самымъ ничтожнымъ заработкомъ, но настоящей работы не могъ найти — его прошлое мѣшало ему.

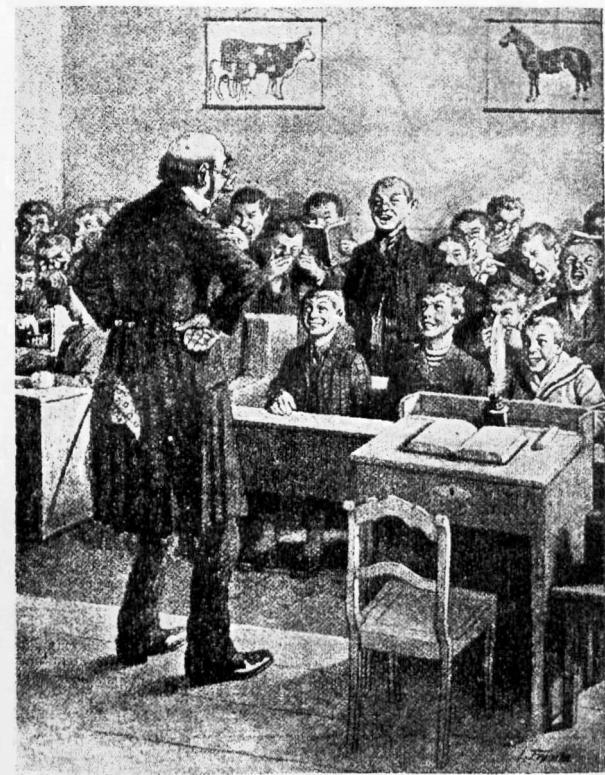
Наконецъ, онъ оставилъ Петербургъ, чтобы вдали отъ него устроиться какъ-нибудь.

Кажется, онъ принялъ гдѣ-то въ стражники.

нетъ, сколько килограммовъ онъ самъ вѣситъ. Король Георгъ вѣситъ 83 килограмма (въ тяжеломъ коронаціонномъ облаченіи, покрытомъ драгоценными каменьями), и ему пришлось раздѣлъ 83 золотыхъ монеты. Покойный король Эдуардъ вѣсилъ 104 килограмма, и во время „дурбара“ замѣститель короля раздалъ 104 золотыхъ монеты. Одинъ изъ англійскихъ журналовъ приводить любопытная цифровая данная о всѣхъ европейскихъ монархахъ. Неоспоримое первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ царю Фердинанду, вѣсъ котораго равняется 84 кил. Греческая королева вѣситъ 83 кил. Императоръ Вильгельмъ II вѣситъ 80 кил., королева Елизавета румын-

— Эту шляпу я ношу уже двѣнадцать лѣтъ.
— Не можетъ быть! Она выглядитъ, какъ новая.
— Ну, правда, мнѣ ее нѣсколько разъ подмѣнили.
(„Fleg. Blät.“).

— Опять безобразіе! Отчего это весь классъ чихаетъ?
— Вы забыли вашу табакерку около Мюллера, и она ходитъ теперь по классу.
(„Fleg. Blät.“).

Такая жизнь стала его тяготить. Однажды онъ изъ своего браунинга выстрѣлилъ въ себѣ и поранилъ печень. Пролежавъ шесть мѣсяцевъ въ больницѣ, онъ, спустя немного времени, повѣсился на шнурѣ, но вовремя былъ вынутъ изъ петли.

Онъ разсказывалъ, что ощущалъ,

СМѢСЬ.

Всѣ европейскихъ монарховъ.

Одна изъ любопытныхъ особенностей „дурбара“ состоитъ въ томъ, что вѣнчающейся на царство англійскій король долженъ раздать присутствующимъ столько золотыхъ мо-

скія 78 кил. Англійскій журналъ жалуетъ титуломъ „самой легковѣсной царствующей особы“ королеву Вильгельмину голландскую, вѣсящую 59 килограммовъ.

